

Человек, который достиг

Театр балета Бориса Эйфмана выступил в ГЦКЗ «Россия»

Светлана НАБОРЩИКОВА,
для «Новых Известий»

25-летие своего театра Борис Эйфман начал праздновать летом, показав в Мариинском театре серию последних спектаклей. Завершатся торжества выступлениями в Израиле, куда эйфмановцы отправились после московского концерта. Российская столица оказалась промежуточным пунктом между любимыми городами хореографа — Петербургом и Иерусалимом.

Приметы юбилейного торжества в зале не ощущались, отсутствовали обязательные речи, адреса и прочие символы официальной благосклонности. Высокопоставленных лиц тоже было немного, а внимание зрителей и фоторепортеров занимали Владимир Васильев с Екатериной Максимовой. Именно Васильев в бытность хрущом Большого театра привлек Эйфмана к постановке «Русского Гамлета». Спектакль, нарушивший рутинное благообразие академической афиши, из репертуара безвременю исчез. Но вряд ли эту утрату Эйфман расценил как большую. Для него всегда существовали только две бесспорные ценности — собственное творчество и вышешколенная, подвластная авторской воле труппа.

Юбилейную программу хореограф составил по-диктаторски жестко. Фрагменты балетов последнего десятилетия показывал нон-стопом, не отвлекаясь на поклоны и аплодисменты. Представил галерею исторических личностей — императора Павла Первого («Рус-



«Красная Жизель», поклоны.

ский Гамлет»), композитора Чайковского («Чайковский»), балерину Спесивцеву («Красная Жизель»), драматурга Мольера («Дон Жуан и Мольер»). Вывел на сцену любимых литературных героев — Алёшу Карамазова («Карамазовы»), Дон-Кихота («Дон-Кихот», или «Фантазии безумца»). Поделился философскими рассуждениями о судьбах мира и человечества («Реквием», «Мой Иерусалим»). Блеснул хорошо знакомыми, но оттого не менее впечатляющими достижениями авторской хореографии — сложными, многофигурными ансамблями, сверхраскованными мужскими дуэтами, изматывающими душу монологами. Под занавес преподнес сюрприз: вышел на сцену в мольеровской колеснице, в костюме и гриме поч-

тенной матроны, а затем эффектно разоблачился, вызвав восторг публики.

«Хореографическая композиция по мотивам спектаклей Бориса Эйфмана» (так в программе) получилась неровной, с яркими удачами и явными просчетами. К первым можно отнести «Мой Иерусалим», удачно сочетающий конструктивную рациональность пластики с ненангранной исповедальностью. Ко вторым — «Карамазовы», утомивших назойливой дидактикой закадровых рассуждений о Боге и человеке. В кулуарах давние почитатели хореографа предлагали свои варианты юбилейного концерта. Назывались «Бумеранг» на музыку Pink Floyd, принесший Эйфману репутацию «хореографического диссидента»;

«Идиот», утвердивший за ним славу психоаналитика; «Двенадцатая ночь», единственный на моей памяти балет, когда публика смеялась до колик в животе; «Мастер и Маргарита», где впервые прозвучала прекрасная музыка Андрея Петрова, славившая высокие академизм и почти поповскую доступность.

Увы, все эти проекты сегодня несуществимы. Потому что хореография Эйфмана не принадлежит к шедеврам, замечательным независимо от качества подачи, и одухотворяют ее энергетика и одержимость исполнителей. Артисты, для которых предназначались эти балеты, — Алла Осипенко, Джон Марковский, Валерий Михайловский, Валентина Морозова и их сверстники — танцевать давно закончили. Нынешние звезды театра — Альберт Галичанин, Игорь Марков, Вера Арбузова, Елена Кузьмина — не хуже предшественников, они другие, более прагматичные и отстраненные. Другой и сам Эйфман. Прежний маргинал, ожесточенно преодолевший цензурные запреты, стал почитаемым мастером, образцом для подражания и желанным гостем престижных залов. О бывлой продуктивности (несколько премьер в год) забыто, но мэтру и не пристало торопиться.

«Борис Эйфман, который осмелился» — так когда-то Анна Кисельгоф, американская почитательница хореографа, назвала свою статью в New York Times. Ныне Эйфман — человек, который достиг. С юбилеем, Борис Яковлевич.

Человек, который достиг — 19 окт. — С. Б.

НАТАЛЬЯ ЛОГИНОВА